
НИКИТКА
Юрий Николаев

Юрий Николаев
Никитка

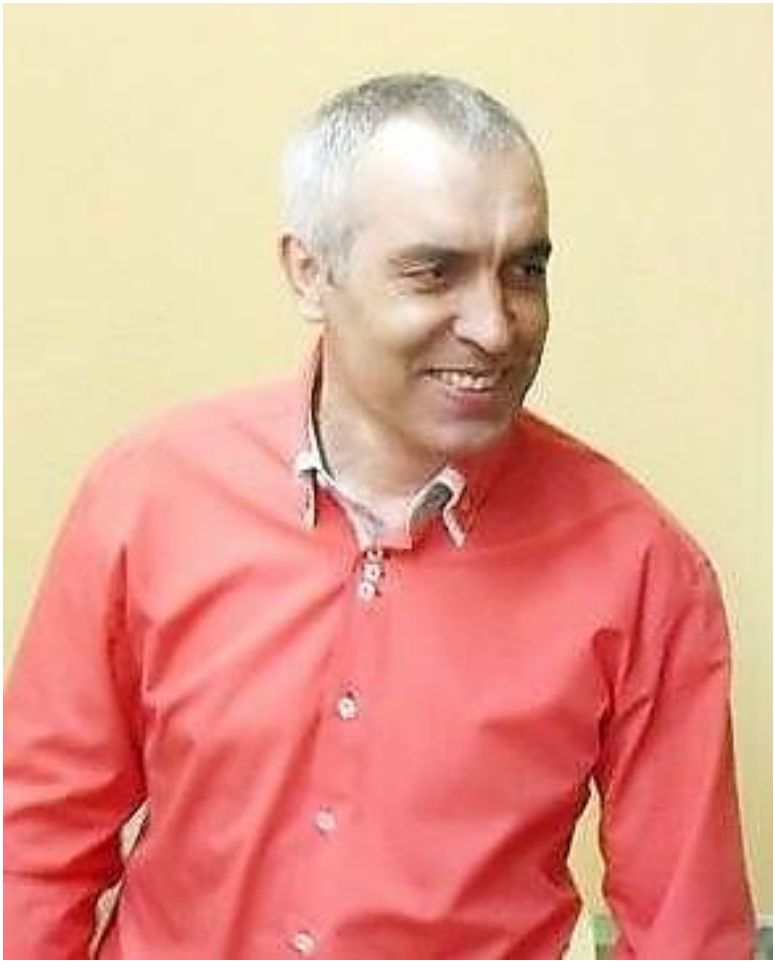
https://litres.ru/74769688
SelfPub; 2026

Аннотация

Маленькие весёлые повести, которые заставят и поплакать, и задуматься.

Юрий Николаев
Никитка

Юрий Николаев

Никитка
Повесть

Никитка летел к священнику.

Было раннее утро, и многие птицы ещё не продрали глаз. Никитка боялся признаться самому себе, что ему было стыдно: птицы его возраста должны сами решать свои проблемы...

Падре жил под стрехой Дома Ветеранов Ледникового Периода и считался мудрейшим. Во всяком случае, на фоне обитателей этого дома, он таковым был…

Священник уже не спал. Печально ссутулившись, он сидел на краю своего жилища и грыз сушёного червя, изредка отхлёбывая из бутылочной пробки "Балтику". На появление Никитки он не реагировал никак. То ли был профессионально хладнокровен, то ли попросту ещё не отошёл от вчерашней пирушки...

– Чирик-чик-чик... – поздоровался Никитка.

Отрыжка священника была ему ответом. Никитка вежливо подождал и, уловив во взгляде падре намёк на приветствие, присел рядом.

Наконец священник вытер замусоленным крылом клюв и прикрыл глаза. Это могло обозначать что-то одно: либо его тупо сморило, либо он погрузился во внимание. Надеясь на второе или частично на первое, Никитка протараторил:

– Падре, что мне делать? Я влюбился!

Эта фраза могла усыпить любого священника. Падре притворно всхрапнул.

– Но моя беда в том, что она – не воробьиха!..

Священник задержал дыхание.

– ... Она – вообще не птица!

Священник открыл немытые зрачки и ехидно ухмыльнулся:

– Это Питер, детка! Извращенцев здесь больше чем кошек на помойке. Кто же это? Порадуй старика инновацией... Рыбка? Саламандра? Плюшевый мишка?..

Никитка покраснел. Под перьями этого видно не было, но старик уловил смущение гостя и спрятал улыбку.

– Неужели всё так серьёзно? Может это просто видимость? Симпатия, привязанность?..

– Я не сплю уже неделю, – вздохнул Никитка, – и почти не ем. Это выше моих сил.

– Хм, кто же эта счастливица?

– Падре, я пришёл к вам как к священнику, обещайте, что моя исповедь не покинет стены вашего дома.

Священник закатил глаза под перья, что значило: "Обижаешь!.."

Никитка сделал паузу и опустил взгляд.

– Падре, это человек.

Священник рухнул вниз.

Не долетев до замызганного асфальта пары дюймов, он

воспарил обратно. Осторожно присел на краешек и уставился в рыльце Никитки, будто впервые видел живого воробья. Мозжечок старого грешника переворачивался в черепной коробочке. "Больной! Шизофреник! – подумалось старику, – можно понять и однополую любовь, и фетишизм, но это!.."

– Она хотя бы женщина?

– Да, конечно! Она богиня!

Старик надул щёки.

– Надеюсь, она не замужем?

– Нет.

– Чёрт!.. Извини... Чем же она прельстила тебя, юноша? Она ест червей? Мух? Она спит на крыше?

– Она... Она – богиня! Она красивая!

– М-да. А что же ты от меня хочешь? Рамки нашей морали не позволяют мне опускаться на обсуждение столь необычного прецедента. Что касается твоего будущего – ты однозначно будешь гореть в Аду... Не это ли ты хотел услышать?

– Мне всё равно, – печально улыбнулся Никитка, – Ад – это жизнь без неё!..

– Ну-у... Я право не знаю, – Падре нахохлился, – а знаешь что... слетай-ка к моему давнему другу. Он живёт в Зимнем. Я ему чирикну по сотовому о тебе... Точно-точно, давай. Он мастер распутывать такие ребусы-шмебусы... Лети. Я щас накалякаю адресок…

Никитка улетел.

Падре долго смотрел ему вслед, не моргая. Потом как-

то внутренне содрогнулся, перекрестился и сказал куда-то в небо:

– Зоофил, мля!..

Семён Аркадьич Игл жил в Зимнем с прошлого лета. Пенсионный возраст и изувеченную кошками внешность он скрывал под недюжинным интеллектом. Советы всем и вся на все случаи жизни сделали его невероятно популярным в среде воробьиной элиты. Не удивительно, что именно этим Семён Аркадьич, собственно, и зарабатывал. Твёрдого тарифа у целомудренных и философских измышлений старика Игла не было. Но ему несли всё, от свежеубиенной навозной мухи, до закардонного экзотического таракана. Игл ничем не брезговал, смущённо благодарил и, закрыв за очередным гостем дверь, отправлял презент прямиком в частный киоск, коим заправлял зять Семёна Аркадьича – Павлик...

– Чирик! – поприветствовал Никитка.

Игл разлыбился во весь потёртый клюв и показал на лакированую жёрдочку возле столика.

– Милости прошу!..

Никитка смущённо оглядел жилище. Первое, что подумалось – владелец этого пристанища был явно неворобьиного происхождения. Но пускаться в дебри филогенетической концепции Никитка не стал.

– Я от падре.

– Да, он звонил... Признаться, ему удалось меня заинтри-

говать... Хотя суть проблемы и не была озвучена... – Семён Аркадьич склонил седеющие перья в сторону жёлтого клюва Никитки, мол – давай, колись!

Никитка повторил свою печальную лавстори. В отличии от священника, лицо старика Игла осталось непроницаемым.

Но это только на первый взгляд. Никитка и не подозревал – насколько был умён его новый знакомец. Семён Аркадьич сразу почувствовал куш, навар. Большой навар. Амбар халявной мякины был ничем, по сравнению с перспективой, выраставшей в воображении старого воробья. Любовь, с её мелодраматичными подробностями не тронула душу Семёна Аркадьича. Он думал совершенно о другом. Но этот юноша, как рассудил старик, не должен ни о чём догадываться...

Семён Аркадьич чирикнул супругу:

– Сарочка!..

Переваливаясь с боку на бок, вошла грузная носатая воробьиха. Презрительно оглядев гостя, она зевнула, почесалась и только потом поздоровалась кивком головы. Никитка смиренно склонился в ответ.

– Сарочка, пёрышко моё, вот, познакомься – это Никитка! Молодой воробей оказал нам честь скрасить наше старческое одиночество... Сделай нам, пожалуйста, гусеничный чай с сушёными паучками...

Сара не шелохнулась. Семён Аркадьич невесомо порхнул к ней и сказал, ничуть не выдавая раздражения:

– Пойдём, я покажу – где у нас стоит баночка с отборным сортом гусениц... – и немного настойчивей, – пойдёммм!

Их не было минуты три. За это время Никитка успел рассмотреть набор семейных фотографий на стене, скорлупный сервиз и несколько почётных грамот в рамочке, засвидетельствовавших солидное ай-кью хозяина.

Непонятно, что произошло на кухне, но Сарочка вышла оттуда совершенно другой. Она сладко улыбалась Никитке, словно узнала вдруг в нём давно потерянного сына.

– Такого чая, как у нас, вы нигде не попьёте! – заворковала старая воробьиха, – отведайте!..

После чайной церемонии Семён Аркадьич лёгким взмахом крыла спровадил супругу из гостиной.

– Ну, что ж... теперь к делу!

Он важно походил по комнате, задрав клюв и прикрыв глаза. Будто был на приёме у нарколога. Никитка ждал.

– Люди! – сказал наконец Игл, – люди – странные, на первый взгляд, существа. Они глупы, меркантильны, суетливы и лживы. К тому же они абсолютно не умеют летать. Питаются всякой химией, спят лёжа, увлекаются непонятно чем... монстры... не перебивайте меня, молодой воробей, я знаю, что говорю... Только не думайте, что я вас от чего-то отговариваю, боже упаси, любовь – светлое чувство, и сердцу не прикажешь. Но если вас угораздило влюбиться в человеческую особь – будьте готовы ко всему...

– Она не такая, – не выдержал Никитка, – она чистая, она

нежная и добрая!..

Семён Аркадьич прищурился.

– Она... живёт одна?

– Нет, в гнезде живёт её детёныш, кошка и пёс.

– Боже! Весь набор!!! – Казалось, ещё секунда и Семён Аркадьич потеряет сознание, – экий вы экстремал!.. И вообще, как вы представляете своё будущее с ней?! А?

– Ну... я... я, как бы, у вас и хотел попросить э-э-э... совета...

Игл пафосно закрыл мордочку крылом.

– О времена! О нравы!.. Ладно... Слушайте сюда...

ОНА шла по улице одна. Конечно, окрестность просто заливалась светом, исходящим от неё; воздух наполнялся тропическим теплом и ароматом, витавшим вокруг её тела; стук её каблучков заглушал клаксоны авто, грохот трамваев и вороньи вопли...

Никитка сидел на парапете набережной и любовался ею издали. Когда она приблизилась на довольно приличное расстояние, Никитка (по инструкции Игла) рухнул на мостовую и оттопырил крыло в сторону. Для полноты картины он закрыл один глаз и настежь распахнул клюв. Мгновение, когда она прикоснётся к нему, было рядом... Сердечко колотилось...

– Вай-вай! Варабей, савсем пляхой! Умират сабралась! – услышал Никитка над ухом. Чья-то тяжёлая грязная ру-

ка подняла его и приблизила к лицу. Никитка скосил глаз: это был добродушного вида мужичок с тёмной кожей и двухдневной щетиной. Когда он улыбался, во рту блестели металлические зубы...

"Монстр!" – вспомнил Никитка слова Семёна Аркадьича.

– Пайдом са мной, птиц! – сказал Монстр и сунул Никитку в карман куртки. Одежда пахла цементом, краской и анашой. Теперь Никитке совсем по-настоящему приходилось открывать клюв, он просто задыхался в неожиданном плену...

Очнулся, когда стало легче дышать. Никитка осмотрелся: длинный грубый стол внутри какого-то страшного железного вагончика. Его похититель, всё также мило улыбаясь, находился рядом и жевал длинных белых червей из коробки. Черви были горячими и пахли совсем не так как полагается.

– Хочешь? – спросил Монстр. Он положил перед Никиткой червя.

Никитку стало подташнивать.

– Вай, гордый!

В это время послышались голоса, дверь вагончика открылась и в проёме показалось ещё пара монстров, похожих на первого.

Никитка не растерялся. Метнулся пулей по ближайшей траектории в сторону распахнутой двери. Не успел, видимо переоценил свои силы. Полчаса в душном кармане сделали своё дело. И хотя дверь ещё оставалась открытой, но шесть

лап с тридцатью пальцами бросились за ним в погоню.

Никитка рвал когти.

– Ай, шайтан! – загоняя Никитку в угол, чертыхались двуногие. Голос предков видимо проснулся в них, и они стали воображать себя охотниками за дичью. Один из охотников вооружился каким-то строительным флаконом. Никитка притих, сжался, подпуская к себе ближе, и рванулся в образовавшуюся щель между двух улыбающихся морд. Есть! Свобода! Он мчался подальше от вагончика, срезая путь через пустые глазницы строящегося дома…

Внезапно Никитка почувствовал тяжесть в крыле. Он скосил глаз: не прицепился ли к нему кто-то из преследователей? Крыло было в какой-то странной пене, твердеющее с каждой секундой как ласточкино гнездо. Лететь стало совсем невмоготу, через десяток метров, совсем обессилев, Никитка вошёл в штопор…

Ему показалось, что это был очередной сладкий сон: ОНА и Никитка. ОНА склонилась над ним и нежно обдувала сладкими губами пух на воробьином рыльце. Никитка боялся проснуться, но глаза его были раскрыты. Через секунду он сообразил, что это был не сон! Это была действительно ОНА!!! Как по волшебству, или по всемогущему мастерству Семёна Аркадьича он оказался рядом со своей возлюбленной. Никитка вспотел от волнения, страшно смутился и бросился из её рук как нашкодивший ребёнок. ОНА вздрогнула

и звонко засмеялась:

– Ожил, гастарбайтер!

Никитка побегал кругами и нырнул под спасительную темноту ванны.

"Боже! – мелькало у него вмозгу, – я у НЕЁ дома!!! Сбылось! Свершилось!.. Как мне вести себя? Я совсем не умею обращаться с человеческими женщинами... Если я начну приставать к ней – она решит, что мне надо от неё только ЭТО! Если я не буду приставать – она решит, что я тюфяк, размазня... Что делать?!"

– Пойду куплю нам чего-нибудь поесть, заодно поспрашиваю – чем можно растворить строительную пену...

Хлопнула входная дверь.

"...Куплю нам поесть..." – Никитке представился романтический ужин при светлячках... на столе – мухи в собственных какашках, червячки, вывернутые наизнанку... Красота...

Он осторожно выглянул из-под ванны... Вышел. Тишина. Гнездо было огромным. "Нам можно будет завести много детей" – стыдливо подумал Никитка. Он вскарабкался на подоконник, чтобы произвести рекогносцировку местности. И вдруг... Клюв к клюву столкнулся со стариком Иглом, сидевшим по ту сторону окна.

– Йесссс! – взмахнул крылом Семён Аркадьич, увидав Никитку, – мы сделали это!

– Что дальше? – доверчиво спросил Никитка.

– Всё по инструкции, – прошептал Игл, – ты один?

– Да.

– Хорошо. Когда она дома – не выходи из укрытия, пусть думает, что ты обычный воробей. Когда убедишься, что её нет – ищи ценности… И помни: твоя судьба в твоих руках!

Никитка пошёл бродить по гнезду. Всякая мебель, посуда, одежда, аппаратура... А где же ценности? На одной из полочек стояла блестящая коробочка.

«Наверное, это то, что надо, – решил Никитка, – ценности и должны храниться в таком ярком ящичке».

Клюв у Никитки был круче любой отмычки. Крышечка открылась, и пришло разочарование – на дне коробочки лежали мелкие железяки из жёлтого металла: цепочки, колечки, штуковины с камушками… Они, конечно, блестели, но всё равно почему-то не приглянулись Никитке. Он продолжал искать дальше. Наконец на глаза ему попалась шкатулка покрупнее.

«Вот! Вот, нашёл!» – сиял Никитка. Шкатулка была напичкана кругляшками всех цветов и оттенков: перламутровыми, костяными, металлическими, деревянными. Они были разных калибров и имели по нескольку дырочек. Никитка принялся перетаскивать кругляшки к окошку, там он их аккуратными стопками складывал за цветочным горшком…

Заскрежетал ключ в дверях. Никитка ринулся под ванну.

– Эй! Ты где? Я принесла тебе батон!

Она была не одна. Её детёныш, собака с длиннющим языком и круглое, по-хозяйски наглое кошачье рыло склонились

над убежищем Никитки.

– Э-эй, выходи, не бойся! Они тебя не тронут... – засмеялась женщина.

Никитка был мачо. Он выгонял из скворечников незарегистрированных скворцов, отбирал у голубей контрафактные семечки и даже как-то послал тётку ворону на хутор за бабочками. Но сейчас был не тот случай. Выходить и драться в её присутствии он не имел права. Во-первых, силы были не очень равны, во-вторых – его крыло...

– Ага, щас! – проворчал он вполголоса, – лечу и спотыкаюсь!..

Когда они ушли в комнату, оставив крошки батона возле лаза в убежище, Никитка вышел и подкрепился. Еда была так себе, зато конкурентов не наблюдалось. Не считая, конечно, парочки охреневших тараканов. Они тупо уставились на новичка и вполголоса переговаривались:

– Коллега, вы напуганы?

– Отнюдь.

– Вы полагаете, эта особь безопасна для нас?

– Ах, оставьте, его кормят сдобой... Разве можно мешать клетчатку и белок?..

Никитка чирикнул. Тараканы на всякий случай с достоинством слиняли в щель.

Потом опять было некоторое беспокойство по причине банно-прачечных манипуляций жителей гнезда. Но вскоре

всё стихло, и дом погрузился в сон.

В полночь Никитка выбрался из укрытия и в свете ночника продолжил транспортные работы. Перетаскав почти все пуговицы, он устало принял душ в пыли цветочного горшка и побрёл спать.

Наутро женщина и мальчишка ушли, предварительно заперев кота и пса на кухне. Это обстоятельство облегчило жизнь Никитке. Он уселся на подоконник и стал поджидать Семёна Аркадьича. Игл прилетел не один. Нервный и мрачный воробей сопровождал его.

– Познакомься, это Павлик, – улыбнулся Игл.

Никитка совал ценности в щель приоткрытой рамы окна, а Павлик шустро метал их в траву, под заросли репейника. Игл дирижировал, параллельно стоя на "шухере".

Когда работа была закончена, Игл сказал:

– Всё! Процесс запущен! Теперь надо только ждать!

Чего ждать и сколько – Никитка спрашивать не стал.

Если бы Семён Аркадьич был обычным аферистом и проходимцем – он бы давно сгинул. Ибо рано или поздно объегоренный народ просто заказал бы его таксидермисту. Поэтому старик Игл был аферистом и проходимцем не совсем обычным. В силу своего извращённого ума он находил способы, как и рыбку съесть и в тюрьму не сесть.

Для наивного влюблённого юноши Игл разработал

несложную композицию, суть которой сводилась к романтическому принципу: "Хочешь быть счастливым – будь им!". Сокровища из дома человеческой женщины ещё не успели перекочевать на прилавок киоска Павлика, а Семён Аркадьич уже названивал своей знакомой Селёдке. Когда-то, давным-давно он спас её от шубы и для Селёдки было делом чести помочь Иглу. Введя её в курс дела, и взяв с неё обещание, что всё будет чики-чирики, Семён Аркадьич успокоился и посчитал сию проблему решённой.

Селёдка Агнесса когда-то была моделью и от прошлой жизни у неё осталась анорексия и приличные связи. Благодаря второму она и держалась на плаву.

Агнесса покурила водорослей, вошла в транс и через пару часов уже отзванивалась в ответ. Семён Аркадьич млел от удовольствия, слушая Агнессу: "...Оспыдя-а, ну развы эт прамблема?.. – ворковала Сельдь, – кароччи, хвост-чешуя, слушай и запоминай..."

Никитка сидел на подоконнике и смотрел на улицу. Было немного тоскливо. Любимой рядом не было, на кухне грызлись за кусок сосиски кошка и псина.

Наконец на горизонте долгожданной синей птицей показался Игл. Весь его вид говорил о счастливом завершении дела. Семён Аркадьич опустился на козырёк окна и важно стал прохаживаться взад-вперёд. Никитка перестал дышать, боясь упустить самое главное.

– Всё! Вопрос решён! Я обратился к самому знаменитому учёному нашего города... неважно как его зовут, он страшно засекречен... Пришлось угрохать все ценности... – Игл печально вздохнул, – скажи, ты слышал про реинкарнацию?

Никитка помотал головой.

– Ну конечно, это последние разработки наших учёных, – таинственно продолжал Семён Аркадьич, – ты только не пугайся... В общем, тебе надо пройти... через желудок обычной домашней кошки.

Никитка напрягся.

– Вы ничего не путаете?

– Обижаешь, сынок! Старик Игл ещё не выжил из ума... Признаться, я и сам бы не прочь свершить сей акт, да на кого я брошу мою Сарочку... Но подожди, я же не сказал самого главного! – Игл вплотную приблизился к стеклу и искоса огляделся по сторонам, – из кошачьего нутра ты выйдешь самым настоящим человеком! Представляешь?! Ну, а там уже, как говорится, совет вам, да...

– Может, есть другой способ? – прервал его Никитка, – пластическая хирургия, например...

Игл обиженно сморщился.

– Сыно-ок, пластика – это уже прошлый век... Наука не стоит на месте!.. Короче так: или ты идёшь к кошке, или я умываю крылья!

Женщина выгуливала собаку. Питерский вечер был тёп-

лым и уютным, солнце ещё висело над крышами, заливая их багрянцем. Но настроение у женщины почему-то было не к чёрту. Сегодня, придя с работы, она не обнаружила дома подобранного воробышка. Он исчез. Сказать, что бесследно – значит слукавить: на кухне был обнаружен кусочек застывшей строительной пены. Если бы не эта пена – была бы надежда, что пернатый просто улетел через приоткрытое окно. Улика, к тому же, лежала возле коврика кошки. Клеопатра, равнодушно помявкивая, конечно, делала вид, что она не причём. Но в это верилось с трудом...

Пёс Марсик ошалело носился по двору, разгоняя птиц, и женщине было вдвойне грустно наблюдать за этой картиной.

– Марс! Ко мне! Рядом!..

Они вышли со двора, и пошли по набережной. Прохожих было мало. Женщине почему-то захотелось гулять долго-долго, пока ночь совсем не опустится на город. Когда грустно – дома находиться вдвойне тяжелее.

Впереди опять столпотворение птиц. Голуби и воробьи консолидируются в один сплошной потребительский кооператив. Человек с длинной пепельной шевелюрой, печальными глазами и снисходительной улыбкой небрежно бросает им крошки. Птицы немного наглеют и налипают на человека, как слепые вороны на огородное пугало. Марсик срывается с места.

– Стоять! – кричит женщина. Она успевает перехватить поводок и тормозит псину, еле сдерживая смех. Марс при-

творно злится. Человек с шевелюрой вскидывает на женщину взгляд и без стеснения смотрит, кажется, что бесконечно долго... Она тоже с вызовом не отрывает своего взгляда. Кто кого?!.. Наконец оба, не сговариваясь, смеются. Без всякой причины.

– А мы виделись раньше? – спрашивает он.

– Вряд ли...

– Почему-то ваше лицо мне кажется очень знакомым.

– Хм... не знаю.

– Красивый у вас пёс.

– Спасибо... Его зовут Марсик.

– А вас?

Она на секунду опускает глаза.

– Юлия.

– А меня – Никита. Юля, хотите кофе?..

Будь счастлив, сволочь!..
Повесть
Поклонникам Чейза

– Дай мне сигарету, – попросила она.

– Мне лень… не хочу вставать… – он нежно провёл тыльной стороной руки по её спине и ягодицам. Её тело было усыпано капельками пота, словно кто-то обронил на него пригоршню мелких бриллиантов. Она притворно засто-

нала…

– Тогда пойдём под душ.

– Мне ле-е-ень… – повторил он.

– Который час?

– Плевать… давай ещё полежим…

– Тогда дай мне сигаре-е-ету…

– Слушай, а чего ты с ним не разведёшься?

Она откинулась на спину и уставилась в потолок.

– Мне жалко это пузатое ничтожество… Пропадёт он.

– Брось. Он чуть ли не вытирает ноги о ваши отношения, а ты это терпишь…

– Самое смешное – он воображает, что я не знаю о его изменах… Хотя, может, не о всех…

– Мне надоел этот вонючий город… давай уедем куда-нибудь… На время.

– Сначала дай мне сигарету…

– А ты разведёшься с ним?

– Мне ле-е-ень! – передразнила она, – столько всяких сложностей возникнет… Может его просто пристрелить!?

– Пусть сам уходит.

– Пусть. Я ему так и скажу. Только это ничтожество не уйдёт… Оно будет ползать у меня в ногах всю оставшуюся жизнь…

– Перестань… Надави на его слабое место… У него есть слабое место?

– О, да! – она засмеялась, – в последнее время оно очень слабое…

– Давай вместе что-нибудь придумаем… Ты же любишь ролевые игры?..

Очень ужасная история. Просто дрожь берёт, когда вспоминаю…

Стояло лето. А может и не стояло, а лениво лежало или сидело в тени зеленогривых тополей… Не важно. Был вечер, тёплый уютный вечер, располагающий к покою и дремоте. Я только что притащился с работы и, не снимая костюма, плюхнулся в кресло. Не хотелось шевелить ничем, включая мозг. Хотя именно мозг вообще не хотелось включать до самого утра…

Жёнушка была ещё на своей работе. Это и хорошо. Для полной гармонии именно этого мне иногда и не хватало. Она как бы есть, но видеть её лучше реже. Иначе не избежать болтовни, придирок, отмазок, вопросов, ответов, оскорблений и поцелуйчиков. Причём всё это, вместе взятое, может произойти в течение одной минуты. Так устроены женщины. Мне было сорок лет, ровно столько, сколько надо для понимания смысла жизни: «Весь мир – бардак, все бабы – …». Я привык к своей половине, привык к её телу, голосу, капризам, как привыкают к солнцу, ветру и изгаженному подъезду…

Кондиционер урчал на полную. Разве что не газовал. Но

из-за задвинутых портьер всё равно казалось, что в комнате душно. Я вяло встал, сбросил летний пиджак, стащил удавку галстука и подошёл к окну. Потянувшись как спросонья, небрежно, лёгким движением сдвинул портьеру в сторону и окаменел…

За шторой стоял человек.

Раньше бы я испугался больше. Может быть и с последствиями, от изменения цвета лица до изменения цвета моих тапочек. Но сейчас… Бурная, с переходом в экстремальную, жизнь сделала меня более выносливым, сдержанным и безбашенным. Окаменел я по другой причине. Человек был в маске, а на уровне моего брюшка торчал длинный ствол глушителя, прикрученного к «Макарову».

Истерить по этому поводу смысла не было. Это я знал заранее. Не знаю почему, но мне казалось, что жизнь кончается именно так. Красиво, как в кино. А наблюдать с экрана сопливые истерики жертв мне всегда было противно. Бесконечные две-три-пять секунд прошли. Выстрела не было.

И тогда я понял, что у меня есть шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.